

Анна Стриковская

НЕПРАВИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Annotation

Есть мнение что женщина-математик — как морская свинка: и не свинка, и не морская. Надежда Николаевна Коноплянникова — математик и преуспевающий бизнес-консультант с большим опытом. Она может справиться с чем и с кем угодно. Дети уже большие, работа интересная, а что мужчины нет... Не особо она от этого и страдает. Привыкла уже, к тому же мужчины вокруг неё — сплошь клиенты фирмы, а с ними — ни-ни! Выполняя работу для проблемной клиентки, она перешла дорогу богатому, влиятельному и злопамятному человеку. Мало того, этот опасный тип внезапно увлёкся её дочерью Катериной, у которой уже был весьма достойный жених. В задаче появлялись с каждым днем новые условия и запутывали дело... Но математик на то и математик, чтобы успешно решить любое уравнение.

Анна Стриковская

Неправильная женщина

Ненавижу электронную бабу, которая живет в моем мобильнике. Точнее, будильнике. «Время просыпаться, семь часов ровно...» Проснувшись, я люблю минут пятнадцать поваляться, а мерзкий голос настолько раздражает, что вскакиваю, как ошпаренная.

Я схватила будильник и бегом в комнату к дочери. Бросила ей на тумбочку под самое ухо, а сама скорей на кухню. И в этот момент снова раздался отвратный голос: «Время просыпаться... Семь часов одна минута...»

— Мама, ну сколько можно... Опять!!! — Катька завывала как пароходная сирена, но я уже была далеко.

Включила чайник, вытащила яйца, масло и сыр. Еще бы луку зеленого... Ну ладно. Нет его, так мы и репчатым обойдемся. Но надо уже в магазин ехать, все запасы пришли к концу.

Пока я на скорую руку сварганила омлет с луком, сыром и хлебushком, подтянулось младшее поколение. Я послала их чистить зубы, как двухлетних. Студенты уже, а про умывание приходится напоминать.

Сережка мог бы спать и спать, но еду ни за что не пропустит. Катька к еде равнодушна, только кофе выпивает две больших кружки. А кофе надо чем-нибудь заедать, так почему не омлетом?

Так что как только я сняла сковороду с огня, оба как по команде появились с вилками в руках.

Накормив подрастающее поколение, я поплелась в ванную, умылась, намазалась кремом и тут только вспомнила, что могла бы вернуться в постель и продолжать спать с чистой совестью. Я же вчера с блеском защитила наш проект, сдала заказчику работу трех месяцев, и мой шеф разрешил мне отдыхать аж до понедельника!!! А я совсем забыла, кобыла замотанная!!!

Ну ладно, раз уж все равно встала, надо это как-то использовать. Например, сходить в парикмахерскую и подстричься, а то обросла как пугало огородное. Или пугала не обрастают?

У входных дверей слышалось шевеление и сопение. Надо идти проверить, что там происходит, и не забыла ли Катька что-нибудь важное. Оказывается, оба уже собрались и толкаются, надевая обувь.

— Так, Сереж, а ты куда? Тебе же, вроде, к десяти?

— Мам, я на тренировку... Я с Иваном договорился...

Хорошие дети, учатся, спортом занимаются, надо радоваться, а все равно тоскливо. У них своя жизнь, и место мамы в ней далеко не первое.

Выпроводив дочь в институт, а сына на тренировку, я надела, что попало, и поскакала в нашу парикмахерскую, надеясь, что мне повезет и Лида работает. Сколько раз я к ней записывалась заранее, а потом всегда оказывалось, что именно в это время у меня важная встреча с заказчиком, или еще что-нибудь. Пару раз я просто забывала... И теперь полагаюсь только на удачу.

Вообще-то, стоит рассказать, кто я такая. Зовут меня Надя, Надежда Николаевна Коноплянникова. Я математик. Бывший. У нас теперь, кого ни спросишь, все бывшие кто-то. А в настоящем я бизнес-консультант и финансовый аналитик. Как дошла я до жизни такой, расскажу как-нибудь в другой раз. Лет мне немало, о чем можно догадаться хотя бы по тому, что дети мои уже студенты. И жизнь моя совершенно идиотская и неправильная, хотя сама я, по мнению окружающих, очень умная и правильная. Такая отличница с тяжелым «синдромом отличницы».

Отец мой, Николай Ефимович Конопляников, — известный в своих кругах профессор-генетик. Он всю жизнь трудился не в академических, а в медицинских сферах, поэтому академиком не стал. Лет ему много, но он все еще работает: консультирует, пишет статьи и книги, и даже раз в неделю ездит на работу. С ним у меня всегда было полное взаимопонимание, которое с годами превратилось в дружбу равных. Мы друг с другом советуемся, поддерживаем и совместно обороняемся от атак моей мамы. Потому что первую скрипку в доме моих родителей играет она. И играет всегда «крещендо».

Маму мою зовут Наталья Михайловна. Как ее угораздило выйти за моего отца, «ботаника», отличника в очках, зануду-биолога остается тайной. Его понять можно: мама в молодости была чертовски хорошенькой, прелестной, изящной, необыкновенной. Она и сейчас, в свои семьдесят, очень даже ничего. Студентке консерватории по классу фортепиано даже встретиться негде было с моим отцом, они вращались в разных кругах. А вот встретились, поженились, и родилась я. Когда-то моя мама мечтала об исполнительской карьере, но случайная травма закрыла эту страницу навсегда. Мама до пенсии работала музыкальным редактором на радио, и считала свою жизнь неудавшейся.

Моя мама — это отдельная песня. В молодости она была звездой своего небосклона. Она и до сих пор прелестна, очаровательна, необыкновенна и т. д., и т. п., и пр... И все у нее должно быть таким же: необыкновенным. Я ее не устраивала. Скорее всего, ее не устраивала та жизнь, на которую она считала себя обреченной. А я была воплощением этой жизни: серьезный ребенок-увалень, до самозабвения любящий читать книжки. Ни живости, ни грации, ни артистизма: никаких светских талантов я в детстве не проявляла.

Из меня надо было сделать что-то в высшей степени выдающееся любой ценой. Но приходилось работать с тем материалом, который имелся в наличии. Значит, не балерина, не музыкантша, не артистка и не художница. Остается наука. А ученый, в ее представлении, должен быть не от мира сего. Тем более ученый-женщина. Это существо априори бесполое, только такая может добиться успеха. И мне внушалось, что я некрасивая. До двадцати лет я была убеждена, что я кривая, корявая и убогая, на меня не может обратить внимание маломальски симпатичный парень. А если обращает, значит, заинтересован в нашей квартире, машине, даче или поддержке моего отца.

Я и сейчас, в мои «после сорока», очень даже ничего, а в семнадцать была просто хорошенькой девушкой. Но смотреть на себя беспристрастно не могла, и утешалась тем, что разумом я превосхожу любую красотку. Я и не догадывалась, что больна на всю голову. Мне почему-то казалось, что только я умная, остальные — дураки.

Как я при этих условиях все-таки вышла замуж и родила детей, до сих пор загадка. А вот то, что развелась и уже много лет одна — это закономерность.

Лида работала. Обругала меня, что я не удосужилась позвонить, но в кресло посадила. Я расслабилась в ее ловких руках, почти задремала. Не люблю следить за процессом, лучше сразу увидеть результат. И тут раздался марш Радецкого. Шеф. Я горько пожалела, что не оставила мобильник дома.

— Золото мое, ты на работу не подъедешь?

— Ты не забыл, что отпустил меня до понедельника?

— Да помню, помню, но клиент может с нами встретиться только сегодня.

— После обеда.

— А пораньше?

— Я сказала: после обеда. Назначай на три часа.

— Но она нам уже назначила на 12!!!

Она... Обычно клиентка хуже клиента. Если судить по голосу моего шефа, эта клиентка хуже как минимум в сто тысяч раз. Но я знаю тайну — если такую бабу сразу не поставишь на место, работать с ней невозможно. А если поставишь — все в порядке. Но делать это нужно в первый же момент.

— Ничего, позвони и передоговорись на три, — шефа тоже надо время от времени ставить на место.

Я работаю в консалтинговой фирме. Она небольшая, но успешная. И существуем мы уже шестой год. Шеф — гений! Гений-продажник. Он умеет находить заказы там, где, кажется, ничего такого никогда и не было. Это в нашей сфере основное.

Ну а мое дело начинается, когда клиент у нас в кармане. Кроме меня в нашей конторе работают четыре постоянных сотрудника, еще есть ребята на подряде, человек десять, и секретарша. Ну и шеф, разумеется.

Шеф ведет светский образ жизни: презентации, выставки, конференции, фитнес-центры, закрытые клубы и т. д. Там он ловит своих клиентов. Мы работаем хорошо, нас рекомендуют своим друзьям и партнерам. Но чтобы рекомендовали, чтоб не забывали, надо постоянно мелькать. Вот он и мелькает.

Я исключительно кабинетный работник и ненавижу все эти тусовки. Но именно меня шеф продает. Мою работу. Поэтому, как ценный товар, могу иногда и покочевряжиться.

Через десять минут шеф перезвонил и сообщил неприятным голосом, что встреча в четыре, а в три он за мной заедет. Отлично. Значит, встреча на территории заказчика. Интересно будет посмотреть на эту рыбку в ее естественных, так сказать, условиях.

А шеф пусть пока злится. Когда мы начнем работать, он первый будет мне жаловаться на вредную тетеньку.

Сам заедет и отвезет — тоже неплохо. Если с дамочкой все сладится, то после встречи он повезет меня в Якиторию отметить это дело, будет кормить суши и пить нефilterованным пивом. Я это обожаю.

Я у него работаю практически с основания фирмы. А знаю всю жизнь. Мы учились вместе в одном очень непростом ВУЗе, на факультете, где девочек и вообще-то мало, а на нашем курсе я и вовсе была одна. Тогда он назывался Андриюхой и учился так себе. На троечку. Зато был большой деятель комитета комсомола. А я училась отлично, увлекалась наукой, общественной работой голову себе не забивала. Зря, оказывается. На этой самой комсомольской работе он создал связи, которые ему оченьгодились, и наработал коммуникативные навыки, которыегодились еще больше. Теперь он начальник, хозяин жизни, так сказать, а я на него ишачу.

Познакомились мы на заседании студенческого научного общества. Я делала сообщение, а он болтался там от комитета комсомола. Я выступила, села и оказалась рядом с ним. Судя по всему, он ничего не понял из моего доклада, но оценил мои ноги и грудь и начал активно со мной знакомиться как с девушкой.

Для меня это был шок. Несмотря на девятнадцать полных лет и выдающиеся математические способности, я наивностью, глупостью и незрелостью могла поспорить с десятилетней крошкой.

И эти качества культивировались моей мамой как сугубо положительные. Мне с детства внушалось, что я некрасива, но очень умна, и, следовательно, моя судьба — наука. Любовь не для меня. Мне бы в зеркало на себя посмотреть. Но я видела только то, во что свято верила. Читала романы, набитые любовью по маковку, и понимала, что со мной ничего похожего произойти просто не может. Развязки в виде свадьбы мне были вообще смешны. На уроках литературы мне легче было рассказать про «роман «Евгений Онегин» как энциклопедию русской жизни», чем про любовь Татьяны.

Ну ясно, что любовь — для красавиц. А для меня — высокое духовное и интеллектуальное общение.

Нельзя сказать, что я не знала, как дети рождаются, но почему-то казалось, что ко мне это не может иметь никакого отношения. Я была «умненькой девочкой» для взрослых и «своим парнем» для ребят, с которыми училась. А по сути была совершенным ребенком, не готовым к тому, что во мне увидят женщину.

Еще более я была не готова увидеть женщину сама в себе. Реакция Андрея на мои внешние данные вызвала такую волну протеста, что он отстал от меня на многие годы. Ну, надо себе представить: парень идет провожать понравившуюся девушку, а она то молчит, как пень, то несет какую-то чушь. При попытке же просто приобнять ее за плечи, она вырывается, вскакивает в первый попавший автобус и уезжает в неизвестном направлении. Естественно, уехала я тогда в какую-то дыру, из которой с трудом выбралась, и потом всю ночь редела.

Если бы я его тогда не оттолкнула с такой горячностью, может быть, моя жизнь повернулась иначе. Или если бы он проявил хоть каплю настойчивости. Но зачем ему, любимцу красавиц, комсомолок, спортсменок, тратить время на такую беспросветную дуру?! Он оставил меня в покое, и был по-своему прав.

* * *

Мои математические способности проявились ярко еще в школе, как только от ненавистной арифметики мы перешли к изучению алгебры. Моя первая учительница охарактеризовала меня математичке как очень тупую и неспособную к ее предмету. Об этом математичка сообщила мне по секрету на выпускном. Она меня обожала, но, как настоящая учительница, старалась этого не показывать. Грузила меня специальными заданиями, выискивала задачки посложнее, посылала на все олимпиады, и была со мной крайне сурова.

Результатом стало то, что при поступлении я с легкостью решила свой вариант, так и не поняв, почему все утверждают, что в этом году задание особенно трудное.

Устную математику я сдала на четыре, чему сама удивилась: рассчитывала не больше чем на тройку.

Физика и сочинение тоже не доставили трудностей. Прошла на ура.

Трудно оказалось учиться на младших курсах. Наши юные гении вылетали в сессию на двойки. А у меня к неплохой голове есть крепкая попа, она и вытянула. На четвертом и пятом курсах я уже не мучилась, а получала удовольствие. Увлекалась численными методами, по ним делала диплом. Женское свойство моих мозгов проявилось в том, что я выбрала именно такую тему, которая имела прикладное значение. Лавры гениального Перельмана, решившего задачу Пуанкаре, мне не светили никогда. Но наши профессора не делали мне скидку на то, что я девочка. Я этим гордилась.

Потом поступила в аспирантуру, и через три года успешно защитилась все по тем же численным методам. И тут как раз грянул 91 год. Уважаемые научные работники перестали получать зарплату. Что-то, конечно, платили, но купить на эти деньги уже ничего нельзя было. А у меня к этому времени образовалась семья: муж и двое детей. Мужа я нашла на курорте. Вернее, он меня нашел. Уникальный случай, обычно курортные романы обрываются, стоит их участникам покинуть райские кущи на берегу моря.

А со мной произошло все в точности наоборот. После диплома родители меня послали в Гурзуф, в знаменитый «Коровник», дом творчества Союза Художников, по горячей профсоюзной путевке, которую где-то выцарапала моя тетка, работник худфонда. На пляже ко мне подсел парень, оказалось — художник. Парень был высокий, красивый и очень активный. Он стал за мной ухаживать, рисовал мои портреты, не отходил ни на шаг... В конце концов я поверила, что это большая любовь. А он обалдел от того, что я оказалась девственницей. Из Гурзуфа мы приехали вместе. Родители чуть с ума не сошли, когда выяснилось, что я беременна. Роман просил моей руки, из-под Кургана приехала его мать, счастливая тем, что мальчик подцепил москвичку из хорошей семьи, и в результате мы поженились без особой помпы...

Катюшку я родила в аспирантуре, а Сережку — следом. Спасибо Роману, дети получились красивые и здоровые. Как потом выяснилось, еще и очень неглупые.

Я мучилась, как многие в те времена. Работала, училась, рожала, сдавала, кормила — все вместе. Родители выбили нам квартиру, куда в результате сами и уехали. От Ромы на первых порах пользы было немного, но, когда появились Арбат и вернисаж в Измайлово, он начал неплохо зарабатывать. И в 91 году я не страдала от безденежья, хотя моей зарплаты стало хватать только на проезд.

А в 92 году все изменилось. У Романа начался «творческий кризис». Его картины не продавались, заказов не стало, он лежал на диване и смотрел часами телевизор.

В результате у меня была степень кандидата наук, двое детей, муж в депрессии и никаких источников дохода. И тут, как всегда, помог случай. На улице встретился бывший соученик и посоветовал обратиться по поводу работы в банк. Там, мол, нужны математики. Я пошла, прошла конкурс, и меня взяли в отдел финансовой аналитики. Мой математический диплом и степень произвели ошеломляющее впечатление. Сразу стали двигать по служебной лестнице. Через год послали в Америку на учебу, сначала на месяц, а потом на полгода. Я была в ужасе: оторваться на полгода от семьи, от детей мне казалось невыносимым. Но тут мне помог отец. Он нейтрализовал мою мамочку и сговорился с моей свекровью. Она приехала из своей Тьмутаракани, поселилась в нашей квартире и взяла детей на себя. Все мои жалкие доводы отменялись. Надо ехать, и точка. Я поехала.

Эти полгода в Штатах я вспоминаю как лучшее время моей жизни. Снова окунулась в атмосферу студенчества, почувствовала себя юной и беззаботной. Причем гораздо более

беззаботной, чем была в юности. Нас поселили в университетском городке, и это еще усиливало впечатление. Мне все там нравилось, и я была бы абсолютно счастлива, если бы не скучала так по детям.

Конечно, приходилось очень много заниматься, но к этому-то я привыкла. Тем более что математика, которая для учащихся представляла наибольшую трудность, в финансовой аналитике самая примитивная. Опять я была лучшей студенткой, не прилагая к этому особых усилий. Там у меня даже завязался роман с куратором нашей группы. Джейсон был очень симпатичный, веселый, нравился мне... Но все ограничилось совместным питьем кофе в студенческой столовой, да пару раз мы выезжали на пикник к океану. Все его домогательства я отвергала. Как же, ведь я примерная жена и преданная мать! Когда, защитив что-то вроде диплома, я уезжала, Джейсон со слезами на глазах уговаривал меня остаться. Предлагал помочь с работой и с тем, чтобы перевезти сюда детей. Я гордо отказалась. Потом долго жалела...

В Москве меня ждали моя работа и мои дети. А мой муж меня не ждал совершенно, потому что за эти полгода нашел себе девушку, к которой и ушел жить. Девушка эта была красива, молода, и ничего от него не требовала. Свекровь встретила меня как родную дочь, облила слезами и рассказала эту кровавую историю. Я поблагодарила ее за помощь, надарила ей подарков, купила билет домой и подала на развод. Развели нас быстро и без затруднений. После чего я погрузилась в работу, которая, как известно, помогает отвлечься и все забыть. На работе все было великолепно, я росла по службе, мои заработки увеличивались день ото дня. Я сделала ремонт в квартире, купила новую мебель, машину, выучилась ее водить. Даже смогла в самый критический момент нанять гувернантку, с которой очень подружилась. В общем, я преуспевала, как могла. Дети росли, учились, радовали и огорчали.

И тут наш банк решил включиться в пирамиду ГКО. Я все просчитала и подала аналитическую записку: делать этого не надо ни в коем случае. Но меня не послушали, потому что жадность наших учредителей бежала далеко впереди разума. Как, впрочем, и у всех в стране. Грянул август 98 года. Меня, как Кассандру, уволили одной из первых. Работы не было, везде только увольняли. Мои честно заработанные деньги на счетах были заблокированы, и прошло много времени, прежде чем я сумела выцарапать хоть часть. Два года я перебивалась с хлеба на квас, пробавлялась репетиторством и написанием дипломных работ.

* * *

На эти тяжелые годы выпало для меня большое счастье и ужасное несчастье. Я встретила свою любовь.

Произошло это на строительном рынке. За зиму на даче сломалось крылечко, просто сгнило, и пришлось отправиться за доской для ступеньки и балясинами для перил. Доски и балясник я купила, но с рынка так сразу не ушла. Ходила, смотрела, приценивалась, прикидывая, во сколько мне обойдется ремонт кухни. В одном трейлере продавалась очень симпатичная недорогая плитка. Я подошла посмотреть поближе. А затем стала отступать, желая оценить, как она будет выглядеть издали. И, зацепившись ногой за грудку досок, грохнулась.

Откуда ни возьмись, ко мне подбежал высокий человек. И первым делом заорал:

«Смотри, куда идешь!». Мило, конечно, мог бы выдать редакцию «Куда прешь?» Я вежливо возразила, что на спине у меня глаз нет. «Ну, кто же ходит спиной вперед?» — спросил он уже не так грозно. Я хотела с достоинством что-то сказать, и вдруг до меня дошло, что спиной вперед и впрямь хожу только я. Меня разобрал такой смех, что я снова завалилась на доски.

Высокий человек посмеялся вместе со мной, потом помог мне подняться и стал настойчиво спрашивать: «С вами все в порядке? Вы не ушиблись?» Я, конечно, ушиблась, но сказала, что нет. И стала потихоньку удаляться от места происшествия. Но, оказывается, от ушиба как следует ходить не могла, убого заковыляла. Тот самый человек меня догнал, остановил и сказал:

— Вы ушиблись, я же вижу. Вам надо посидеть. Станет полегче, и я Вас провожу. Вы на чем приехали?

Мне эта забота показалась сомнительной. Я тогда вообще не ждала от жизни ничего хорошего. Поэтому, хоть и ответила, но не слишком любезно.

— На машине. А почему Вы так обо мне беспокоитесь?

— Ну как же! Вы же об мои дрова ударились. Я навалил их на проходе, Вы и споткнулись.

Я просто обалдела. В 99 % из ста меня бы стали ругать, за то, что я, растяпа, потревожила их драгоценные доски. И, вместо помощи, получила бы полную порцию брани. А тут такая непонятная, но приятная любезность. Поэтому я дала довести себя до ближайшей кафешки под открытым небом.

Усадив меня за столик, этот странный человек взял мне и себе кофе и сел напротив. Тут я его разглядела. Симпатичный. Высокий, худой, явно старше меня лет на десять. Веселые карие глаза и чудесная улыбка.

Он представился:

— Алексей. Алексей Дмитриевич Истомин.

— Надежда. Надежда Николаевна Коноплянникова, — ответила я симметрично. Он засмеялся, и взял инициативу разговора в свои руки. Рассказал, что он строитель и архитектор. У него своя маленькая фирма, он проектирует и строит богатым людям деревянные дома. И сейчас как раз занимался закупкой материалов. Я заволновалась: отобранный товар остался брошенным прямо на земле. Но Алексей меня успокоил: он здесь не один. Сейчас его рабочие подгонят машину и все погрузят. Через пять минут разговора я уже не чувствовала неловкости, мы болтали так, как будто знали друг друга с детства. Мы сидели почти час, пока моя нога не почувствовала себя лучше, а потом он проводил меня до машины и попросил телефон. Якобы, чтобы справиться о моей ноге. Я дала, и потом несколько дней с трепетом ждала звонка.

Позвонил он только через две недели. Пригласил погулять в Филевском парке. Я согласилась, с этого все и началось. После прогулки мы не смогли почему-то найти кафе, в котором посидеть, и он отвез меня к себе. Поужинать.

А после ужина обнял, поцеловал, и произошло то, чего я сама не ожидала. У меня, по современному выражению, «крышу сорвало». Это была самая настоящая страсть, на которую я считала себя неспособной. Как выяснилось, с Алексеем произошло то же самое.

Домой я вернулась только на третий день. И то, только потому, что нужно было провести занятие с учеником. Хорошо, дети, по летнему времени, были на даче с бабушкой и дедушкой.

Мы стали встречаться чуть не каждый день. Правда, время от времени Алексею приходилось уезжать на стройку на неделю, а то и на две. Но когда он был в Москве, мы почти не разлучались. Он был старше меня на десять лет, успел стать дедушкой, но я воспринимала его как ровесника, да и он не настаивал на старшинстве. Зато научил меня многому. Любить себя, не бояться собственного тела, расслабляться, получать удовольствие от самых простых вещей и не стыдиться этого... а еще выключать голову и включать ее по ситуации. У меня как-то сами собой прошли комплексы, вдолбленные с детства маминым воспитанием. В результате мне удалось наладить с ней вполне приемлемые отношения.

Через полтора месяца я познакомила его с моей семьей. Он всех очаровал. Подружился с моим отцом, сумел найти общий язык с мамой, причем гораздо лучше, чем я сама, а с Сережкой они просто стали не разлей вода. Ходили вместе на пруд, ловили рыбу, починили крылечко и поставили на крышу телевизионную антенну. Единственная, кто долго не принимал Лешу, была Катька. Но и она через какое-то время была побеждена его обаянием. Целый год мы жили с ним на два дома. Две ночи в неделю я проводила в его квартире, субботу мы посвящали прогулкам и походам в увеселительные заведения с детьми, а в остальное время приходилось существовать порознь, созваниваясь по три раза на дню. Выдержать такой режим непросто. К следующему лету Леша заговорил о том, что пора уже жить вместе всей семьей. Тем более, что в течение этого года он нас практически содержал. Вообще, Леша был очень толковый и практичный, я была за ним, как за каменной стеной. За лето он должен был заработать на то, чтобы превратить его двушку и мою трешку в четырехкомнатную квартиру для нас и две однокомнатные для детей, чтобы им, когда вырастут, было куда съехать.

Ради этого он взял заказов больше, чем обычно. И в это лето мы проводили вместе гораздо меньше времени. Но в июле он сказал, что цель близка. К октябрю он закончит все дела, получит деньги, мы поженимся и займемся обменом и покупкой квартир.

В начале августа я встретила с Андреем, моим актуальным шефом, и он предложил мне работу. Об этом я еще расскажу, но потом, это другая история. Главное то, что я поверила: черная полоса закончилась, меня ждет замечательная жизнь: любимый мужчина, хорошая работа, здоровые и умные дети, дом — полная чаша.

А в конце сентября Алексей не приехал с объекта. Я ждала его всю ночь, не смыкая глаз, а под утро, когда, обессилив, уснула, раздался телефонный звонок. Звонил хозяин дачи, которую Леша строил. Они в честь окончания работ пошли в баню, выпили, и у моего любимого случился инфаркт. Его повезли в соседний город Рузу к врачу, но не довезли, по дороге он скончался.

В этот момент моя счастливая жизнь кончилась. Спасло меня, как ни странно, то, что я не была Лешиней законной женой и не имела никаких прав на его имущество. Поэтому расслабляться, отдаваясь горю, я не могла: детей бы стало нечем кормить. Наоборот, я с макушкой погрузилась в работу. А мой, тогда еще новый, шеф, чувствуя ситуацию, подваливал сложные задания, полностью занимавшие мой ум и не оставлявшие места для страданий и переживаний.

***.

В три часа я вышла из подъезда — машина уже ждала. Молодец, вовремя приехал. Вообще-то для шефа опоздать часа на полтора-два — плевое дело. Для него понятие «время» очень относительное. Зато я омерзительно пунктуальна, и за годы нашего сотрудничества

приучила его не опаздывать.

— Куда же мы едем?

— Нам назначили встречу в Якитории. Будешь есть твои любимые суши.

Неплохо, значит, попьем пива по ходу дела.

— А почему не в офисе заказчика?

— Если бы ты утром соизволила выйти из парикмахерской, то встреча была бы у нас в офисе.

— Я надеюсь, ты не нарочно сказал эту глупость. Обычно заказчик принимает у себя. Если он этого избегает, о чем такое поведение говорит?

— О чем?

Я замолчала и сделала вид, что глубоко задумалась. Может и ни о чем, но мне надо, чтобы шеф на встрече не расслаблялся, был настороже. Когда я думаю, он ко мне не пристаёт: уважает мыслительный процесс.

В ресторане нам указали столик, за которым сидела девица умопомрачительной красоты. Неужели это наша заказчица? Так директор компании выглядеть просто не может. Она поднялась нам навстречу.

Шеф поцеловал ей ручку и представил меня:

— Лариса Юрьевна, разрешите мне представить Вам нашего гениального аналитика Надежду Николаевну. Она будет с Вами работать.

Девица была ослепительна. Любая топ-модель. отдыхает. Ноги, которые никогда не кончаются. Длинные каштановые волосы искусно мелированы, глаза цвета спелого лесного ореха с разрезом как у серны, на красиво очерченных губах естественный блеск. Нежная и удивительная, цветок душистых прерий. Одета скромно и элегантно: зелененький шелковый костюмчик, розовая блузочка, шарфик в тон костюму, и такие же сапоги выше колен.

На розовых губках выражение обиженного ребенка.

Я улыбнулась красотке, поздоровалась и села за стол. Заказала себе роллы и нефilterованное пиво. Шеф аж покраснел. Он тоже любит пиво, но за рулем себе не позволяет. А тем более в присутствии заказчика.

Красавица открыла свой ротик и тягучим голосом произнесла:

— Надежда Николаевна, мне сказали, что только Вы сможете мне помочь.

— Кто, если не секрет?

— Наш с Вами общий знакомый, Гриша Листвянский.

Я глянула на шефа — он вытаращил глаза. Следовательно, не в курсе.

— Григорий Константинович? — надо задать дистанцию. Барышня играет на разнице в возрасте, прием называется «мать и дитя». Только мне такое, с позволения сказать, дитя даром не нужно.

Кстати, вышеупомянутый Листвянский мне в отцы годится. Надо с ним созвониться и выяснить, что за чудо природы он нам подсунул.

— Он самый. Он сказал, что Вы его просто спасли.

— Григорий Константинович несколько преувеличивает.

— Пожалуйста, не надо! Если он сказал, значит, так оно и есть, — голосок дрожит, в нем чувствуется слеза. Такая клиентка рассчитывает, что ты для нее выложишься без остатка, а заплатить может с легкостью забыть. А шеф цветет: его сотрудницей восхищаются, реноме его фирмы растет. А уж от красоты этой дамы он просто тает. И не пихнешь его в бок, мол, берегись, акула плывет.

— Не стоит об этом, Лариса Юрьевна. Расскажите лучше, чем мы можем Вам помочь.

— У меня фирма. Ландшафтный дизайн, называется «Флора де Люкс», может, Вы слышали?

— Мимо Вашей рекламы я езжу на дачу.

Посмотрела на шефа: вот так! Я и неподготовленная лицом в грязь не ударю.

— Ну, мы существуем уже давно, с девяносто девятого года. Сначала развивались нормально, а в последнее время сплошные проблемы.

Девочка насмотрелась телевизора. Там тоже нет ни неприятностей, ни сложностей, ни убытков, одни проблемы. И сколько ей лет, если фирма существует уже так давно? Или... когда она села в директорское кресло?

— Мне нужно, чтобы Вы определили, что мы делаем не так. Как перестроить бизнес, чтобы он снова стал успешным.

— И Вы решили обратиться в консалтинговую компанию? У Вас передовой подход к решению проблем.

— Ну, мне посоветовали..., ведь Вы действительно помогли... господину Листвянскому?

— Вы знаете, те наши клиенты, которые рискнули последовать нашим рекомендациям, все нам благодарны. Господин Листвянский рискнул, и, как видите, не жалеет. Но хочу Вас предупредить: мы не отвечаем за результат. Если наши рекомендации Вы почему-либо найдете неприемлемыми, или не захотите им следовать, то...

Шеф толкнул меня ногой под столом. Пусть не толкается, клиенту сказать это необходимо. Правда, обычно я выбираю более мягкую форму. Но эта красавица меня раздражала. Не знаю чем. Клиенты бывают самые разные, многих я в свой дом не пустила бы, и не наняла бы даже полы мыть. На их фоне Лариса Юрьевна смотрелась вполне прилично, а вот поди ж ты!

Шеф вступил, не желая, чтобы я напугала клиентку до заключения договора.

— Надежда Николаевна хочет Вам объяснить принцип работы консалтинговой фирмы.

— Спасибо, Андрей Викторович, именно это я и хочу сделать. Прежде чем Вы заключите с нами договор, я хочу объяснить, как мы работаем.

Девушка сделала заинтересованное лицо. Если она с таким выражением слушает, что говорят мужчины... Такая фальшь... Понятно, что меня раздражало. А ведь сейчас ей действительно стоит внимательно послушать: не кобель хвостом перед ней метет, а решается вопрос, в котором она кровно заинтересована. Интересно, о чем она думает? Или старается произвести впечатление на шефа? Просто так, по инерции?

— Рассказываю. Вы заключаете договор на оказание консалтинговых услуг вот ... — с Андреем Викторовичем. И вносите предоплату.

— Сколько?

— Это Вы обсудите с Андреем Викторовичем тет-а-тет. Меня это не касается. А вот после этого я прихожу к Вам и начинаю работать. Мы с Вами определяем вопросы, на которые мне нужно ответить, я сообщаю, какая информация мне понадобится. Возможно, придется применять опросы, проводить маркетинговые исследования, я пока не знаю. Они оплачиваются отдельно.

Девушка вскинулась, но промолчала.

— Когда я соберу необходимую информацию, я ее обработаю.

— Как?

— Математически. У меня свои методики. А потом представлю Вам результаты. И Вы как на ладони увидите, где у Вас тонкие места, где утекают деньги, куда нужно вложиться, а от чего, наоборот, отказаться. После этого моя работа закончена. Вы оплачиваете второй счет. А я передаю Вам мои результаты и рекомендации.

— И что дальше?

— Дальше Вы решаете, следовать им, или нет. Мы не маги, не колдуны. За то, что будет с Вашей фирмой, мы ответственности не несем. Но поверьте, те, кто последовал, об этом не жалеют.

— А были те, кто не последовал?

— Естественно. Они считают, что выбросили деньги на ветер, и я с ними согласна. Если не следовать полученным рекомендациям, то зачем их вообще заказывать?

— Со слов, — она запнулась, — господина Листвянского я это себе несколько иначе представляла. Мне нужно подумать.

— Подумайте, Лариса Юрьевна. Если наши услуги Вам интересны, то Андрей Викторович обсудит с Вами условия в любую минуту.

Я допила пиво и отправила в рот последний ролл. Все, встреча закончена. То есть моя часть закончена. Пусть теперь шеф парится. Я извинилась и ушла в туалет.

Когда вернулась, официант уже принес сдачу. Все правильно, мы уходим.

У входа я нарочно задержалась, чтобы глянуть на автомобиль красоты. Новенькая Porsche Cayenne. Не хило! Люди на таких машинах в Якиторию не ездят. Ауди моего шефа не смотрелась на фоне этого зверя. Лариса последний раз улыбнулась нам, села в машину, сорвалась с места и улетела.

— Ну ты чертовка! Затоптала девушку! И почему, если те же самые слова ты говоришь мужикам, они как-то по-другому звучат?

— Что стряслось, шеф? По-моему, встреча прошла нормально.

— Нормально, если не считать, что я чувствовал себя дураком. И я совсем не уверен, что она будет с нами работать.

— Не все ли равно?

— Ну, у нас не так много заказов, чтобы ими разбрасываться.

— Ты еще не понял, что эта дамочка — ходячий геморрой? С нее станется не заплатить, она привыкла, что все ей дается даром.

— Ну, ты ее додавишь. Она на тебя смотрела, как кролик на удава.

— Да? Не заметила, — а про себя я порадовалась. Внушила девице должное уважение, — ладно, вези меня домой, я устала... И до понедельника — как договаривались. Меня нет!

Очень я надеялась, что эта Лариса Юрьевна до понедельника передумает.

Кстати, на всякий случай надо будет звякнуть Листвянскому, узнать, откуда такая штучка выскочила.

* * *

Григорий Константинович Листвянский — наш с Андрюшей первый клиент. Первый клиент — как первая любовь. Такое не забывается. Я тогда еще не работала на Андрея, да и вообще после дефолта ходила без работы. Перебивалась с хлеба на квас, делая расчеты

дипломникам, подрабатывала репетиторством, и чувствовала свою глобальную не востребованность.

И совершенно случайно встретила на рынке Андрюху. Как сейчас помню, у лотка с зеленью. Он меня узнал, обрадовался, затащил в ближайшую забегаловку и напоил кофе.

Как водится, моими делами особо не интересовался, а живописал мне свои трудности. Оказывается, все последние годы терся он на рынке, посредничая своим знакомым и их компаниям. Что-то продавал, что-то покупал. И наконец организовал свое собственное дело, консалтинговую фирму, под свои связи и одного приятеля, который приехал из Штатов, получив там супер-пупер бизнес-образование.

И по знакомству нашел первого клиента.

До этого все было гладко, а вот тут и застопорилось. Когда клиент осветил им свое положение и обстоятельства дела, стало ясно: чтобы в этом разобраться, американского образования не хватает. Они до сих пор не придумали, с какой стороны подступаться.

Я внимательно выслушала все, что он счел возможным мне рассказать, и высказала свое мнение. К анализу проблемы заказчика надо применить численные методы. Тогда, возможно, станет ясно, где течь. Какие? Сначала нужны подробности, а там я, возможно, придумаю, что к чему... И намекнула, что у меня тоже есть кое-какое американское образование в области финансовой аналитики.

Андрюха обрадовался, как ребенок. И предложил мне работу. То есть не сразу работу... Он предложил попробовать применить мои любимые численные методы в этом деле. За разумные деньги. При успехе я могла рассчитывать на постоянную работу за постоянную зарплату плюс проценты с проектов. Ударили по рукам, и на моих глазах Андрей договорился с клиентом о встрече.

На другой день встреча состоялась в офисе Листвянского. Андрей меня ему представил, и я пожалела, что надела блузку на пуговичках: клиент определенно пялился на мой бюст, не вслушиваясь в слова. Сразу назвал меня Наденькой, хотя я представилась Надеждой Николаевной, после чего попросил звать его Гришей. Ну вот еще, Гриша нашелся! Ему и тогда было под шестьдесят, старому дамскому угоднику...

Я поставила его на место. Сказала, что очень ценю его хорошее отношение, но предпочитаю более формальное обращение. По имени-отчеству и на Вы. Иначе, по моему мнению, конструктивная работа невозможна.

Тогда сделала это неосознанно, а теперь понимаю, что только так и надо.

Короче говоря, за три месяца я полностью разобралась в делах фирмы Григория Константиновича, нашла узкие места, определила течь, предложила перестановку основных работников, и сформулировала целую стратегию реорганизации. Сколько сил я на это угрохала, передать невозможно. Пришлось освоить по книгам практически все то, что изучил наш супер-американский специалист, а еще российское налоговое законодательство, маркетинг, бухучет и еще кое-что... Ничего, разобралась, составила таблицы, диаграммы, графики и все прояснилось.

Результаты я представила Листвянскому. Надо отдать ему должное, он все мои рекомендации свято выполнил, несмотря на собственные сомнения. Бизнес его сначала выправился, потом расширился, и теперь, через пять лет, я все еще горжусь этим проектом.

А он с тех пор числится моим поклонником. Букеты на все праздники, два раза в год приглашения на их корпоративные пьянки, время от времени билеты на концерты, и раз в сезон посиделки в каком-нибудь джаз-клубе... Мне целуют ручку... И регулярно намекают,

что все это может иметь вполне определенное продолжение. Но я все еще называюсь Надеждой Николаевной, не иду на сближение. Держу дистанцию, так как очень не люблю, когда посторонние мужчины хватают меня за грудь. Наверное, в глазах людей я выгляжу полной душой. Григорий Константинович, несмотря на возраст, отлично выглядит, в хорошей форме, денег немерено... Как сказала бы моя дочь, «перспективный кадр». Вокруг него всегда выются юные красавицы, желающие окрутить богатого папика. А я упираюсь, хотя он регулярно предлагает мне перейти на менее официальную платформу. Но я его не хочу. Ничто во мне не вздрагивает, когда он берет меня за руку, чтобы ее поцеловать. Если бы хоть что-то шевельнулось, я бы не стала валять дурака. В конце концов, он уже бывший клиент, с рабочей этикой все в порядке. Я свободная женщина, на свете нет мужчины, перед которым у меня были бы хоть какие-то обязательства. Но тут я твердо держу дистанцию, наверное, просто потому, что мне так больше нравится.

Сейчас Листвянский просто друг нашей компании. Иногда я делаю для Григория Константиновича какие-то мелкие расчеты как бы от себя лично. Андрей в курсе, но он не стремится наложить лапу на эти денежки. Гриша ему нужен для другого: он регулярно предоставляет нам клиентов.

Да, надо ему позвонить и выпросить про эту Ларису.

Но позвонить удалось нескоро. Дети пришли из своих учебных заведений, пришлось их кормить и выслушивать по очереди. Потом Сережка засел играть на компьютере, а Катерина побежала к подруге. Я утащила телефонную трубку в ванную, налила себе горячей воды, напустила пены, забралась туда и набрала номер. Так и польза для здоровья, и никто не подслушает.

— Григорий Константинович? — сказала я, как только услышала его бархатное «Аллё!»

— Надежда Николаевна, дорогая, как я рад слышать Ваш голос... Какое чудо заставило Вас набрать мой номер? — ну да, со времен нашего проекта я ему сама не звонила.

— Григорий Константинович, дорогой, при чем тут чудо. Вы же сами прислали нам клиентку, Ларису Юрьевну Корн.

— Я? Прислал?

— Вы ей нас рекомендовали.

— Ах, да... Это произошло совершенно случайно. Меня познакомили с этой дамой на одной закрытой вечеринке... Она пожаловалась на проблемы. Не мне, поверьте, а при мне. Я, памятуя о том, как Вы мне помогли, посоветовал ей обратиться в надежное консалтинговое агентство. И назвал Ваше, естественно, — Григорий мурлыкал, как кот. Врет. Но убедительно врет, так что стоит сделать вид, что я поверила.

— А какую-нибудь информацию о нашей заказчице я могу от Вас получить?

— Какую же?

— Личную. О бизнесе она мне все сама расскажет, если согласится на наши условия. А мне хотелось бы понять, стоит ли браться за ее заказ.

— Дорогая, это не телефонный разговор. Давайте так. Приглашаю Вас поужинать..., — он запнулся.

— Только не сегодня, — еще не поздно, можно было бы сходить, но при мысли, что надо вылезать из ванны, наряжаться, краситься и т. д. мне стало неудобно.

— Хорошо. Завтра в восемь. В... — и он назвал ресторан, абсолютно мне незнакомый. Знаю только, что я там никогда не была.

— Завтра у меня нерабочий день... Отгул...

— И Вам не хотелось бы его тратить на рабочие разговоры? Постараюсь компенсировать эти потери. Тогда давайте в шесть. Потом я приглашаю Вас в Новую оперу.

— Да, Григорий Константинович, Вы знаете мои слабости. От такого невозможно отказаться.

За Вами заехать?

— Если можно.

— Тогда полшестого выходите из подъезда, мой шофер будет Вас ждать.

Никогда не скажет «водитель», обязательно «шофер», да еще и с французским прононсом.

В общем, мы договорились.

Я, конечно, сама за рулем, но когда меня приглашают в ресторан, да еще в выходные, предпочитаю, чтобы отвезли и привезли обратно. Можно хоть бокал вина или кружку пива выпить. И не морочиться с парковкой.

В пятницу с утра я съездила за продуктами. Привезла полный багажник — запас на всю неделю. До часу чистила, мыла, убирала, готовила, а в полвторого решила: хватит. На встречу надо прийти во всеоружии.

Дети к этому времени разбежались, кто куда, по своим учебным заведениям. Отлично, заниматься собой в их присутствии практически невозможно. А надо выглядеть роскошно.

Легла в ванну, отмокла в душистой пене, сделала маску на лицо, намуслилась кремами.

Погладила белую блузку, достала новые колготки, вытащила костюм, купленный в Париже. Если надеть его целиком — вид деловой. А вот если взять только юбку, то с шелковой блузкой вид романтический. Хорошо, что стало наконец тепло, можно легко одеться.

В общем, я приготовила боевые доспехи и легла отдохнуть. Надо быть свежей как ромашка на лугу. А я лучше всего выгляжу спросонок.

Полпятого начала краситься: сделала себе лицо а натюрель. Минималистически. Слава Богу, я в свои «после сорока» на лицо не могу пожаловаться. Чуть-чуть «гусиные лапки» в углах глаз, и все. Так что я даже тоном не стала пользоваться: карандаш, тушь, чуть-чуть румян, блеск для губ... Брови, правда, пришлось выщипать — я о них за последний месяц совсем забыла.

В зеркале я себе понравилась.

До модельной красавицы мне как до луны. Росточек самый что ни на есть средний, фигура далека от мировых стандартов. Худенькой я не была даже в молодости, тонкой талией похвастаться не могу. Ноги, правда, стройные. Грудь красивая. И волосы густые и пышные. Конечно, на фоне Ларисы Юрьевны я бы не смотрелась. А с другой стороны... Главное — есть мозги. Тут любой фотомодели до меня вообще как до Марса. Сколько раз на мероприятиях, куда меня таскает шеф, мужики бросали своих модельных дам, чтобы поболтать со мной. Так что нечего прибедняться.

И в полшестого я выпорхнула из подъезда, вполне довольная собой. Хотя май еще только перевалил за середину, было на редкость тепло. Стояла райская погода. В такое время не по ресторанам рассиживать, а гулять где-нибудь за городом. Скоро можно родителей на дачу перевозить.

Машина ждала, и минут через пятнадцать меня уже встречал у ресторана галантный Григорий Константинович. Он, как всегда, элегантен до невозможности. Костюм, рубашка, галстук, ботинки, платочек в кармане и булавка для галстука — все дорогое, шикарное, а

главное, идеально подобрано. С таким кавалером приятно показаться где угодно. Мы прошли в зал, сели за уютный столик, спрятавшийся за огромным аквариумом. Я села к этому чуду спиной: будет отвлекать. Обожаю всякую живность, не следить за рыбками просто выше моих сил. А разговор предстоял серьезный.

Ресторан оказался очень дорогой, как говорится, гламурный, и, по раннему времени, полупустой. Надо сказать, я рестораны не люблю. Не чувствую в них себя свободно. И еду тамошнюю не люблю. Красиво, вкусно, но... Что-то не то. Вообще, предпочитаю есть то, что сама приготовила. Исключение составляет японская кухня. Я ее обожаю, но сама не готовлю. Но это не японский ресторан, так что придется выбирать из того, что имеется. Сок и салат.

Листвянский знает прекрасно, что я буду есть. Поэтому сразу и заказал: Даме сок свежесжатый апельсиновый и греческий салат. Зеленый чай с жасмином и на десерт яблочный штрудель. Все правильно.

— И поскорее, мы не должны опоздать в театр.

Кстати, сад Эрмитаж от нас в трех минутах ходьбы. Не опоздаем.

— Замечательно, Григорий Константинович. А теперь давайте перейдем к тому, из-за чего я вам позвонила.

— Деловая Вы женщина, ничем не отвлечешь. Хорошо, спрашивайте.

— Кто такая эта Лариса Юрьевна?

Листвянский умоляюще сложил руки на груди:

— Поверьте, дорогая Надежда Николаевна, я тут ни сном, ни духом... Это не моя любовница, ни бывшая, ни настоящая, ни будущая... Не мой формат, как говорится. И я бы Вам ее не подсунул, если бы не случай. Так что простите великодушно...

— Как Вас понимать? То есть как клиентка она не подарок?

— Как клиентка она геморрой, если Вы позволите так выразиться.

Мои слова! Я именно так и сформулировала шефу.

— Да уж выражайтесь без стеснения, так я лучше пойму. А почему геморрой? Мне показалось, что это не слишком умная дамочка, которой муж купил бизнес, — я так сформулировала, чтобы вызвать Григория на откровенность. Обычно это я ему все объясняю, поэтому он приходит в восторг, если может что-то растолковать мне. И точно, у него глаза загорелись.

— Во-первых, не муж. Бизнес ей купил любовник. Вы понимаете, что я, например, не смог бы подарить любовнице такую фирму.

Я вытаращила глаза. К чему это он?

— Ну, Вы уровень ее любовника себе представляете? Я человек не бедный, но с такими акулами я даже в одном море опасаясь плавать.

— То есть у нее очень богатый и влиятельный любовник.

— Был. Год назад он ее бросил. Вы видели ее машину?

— Porsche Cayenne?

— Именно. Это его прощальный подарок, хотя расстались они не друзьями.

— А откуда Вы знаете?

— Тот, кто нас друг другу представил, в курсе. Это мой хороший знакомый. Короткое время и он был любовником нашей с Вами красавицы, но не потянул... И напрасно Вы думаете, что она глуповата. Она не слишком образованна и плохо воспитана, так. Но по-своему она очень умна. Настоящая стерва.

— А что с ней стряслось, из-за чего она начала искать консалтинговую компанию?

— После разрыва с богатым любовником, назовем его мистер Х, у нее все пошло наперекосяк. Успешный бизнес стал приносить убытки, и так далее. И она уже дошла до того, что хотела обращаться к магам и гадалкам. И спрашивала моего приятеля, не знает ли он хороших. А он ей и скажи, что сначала надо обратиться к бизнес-специалистам, может, они помогут. И привел меня в пример. Тут уж нельзя было отговориться, и я дал ей телефон Вашей компании. Но я Вам очень советую, — тут он перешел на задушевный шепоток, — под любым предлогом отказаться от этого заказа.

Я сделала вид, что этого не слышала.

— Так говорите, все пошло наперекосяк после разрыва?

— Примерно через полгода после.

Так, надо узнать, что произошло полгода назад. При плохом расставании Porsche Cayenne не дарят. В общем, картина вырисовывается, ясно, от чего надо танцевать. А без этого разговора я бы месяц мучилась, собирая информацию.

— А кто был ее любовником, случайно не знаете?

— Как Вам здешний штрудель, дорогая? По-моему, неплох.

Ясно, он не ответит. Попробуем штрудель. Действительно, хорош. Почти как тот, что я пеку сама.

— Штрудель бесподобный. Просто на редкость. Сколько у нас еще времени до спектакля?

— Допивайте чай, и пора идти.

Когда мы вышли на улицу, Григорий Константинович предложил пройтись пешком. У меня не было возражений. Вечер теплый, идти недалеко, почему бы и нет. Он предложил мне руку. Я не отказалась, но не преминула ляпнуть: Бобик Жучку взял под ручку. И вот шли мы с ним эдак по Каретной, как влюбленная парочка. Внезапно он наклонился к самому моему уху, и сказал:

— Виктор Егоров.

Я, надо отдать мне должное, все поняла: мне назвали имя того самого загадочного любовника. Сделала вид, что ничего не слышала, продолжала идти, как ни в чем не бывало. А уже у самого входа в сад Эрмитаж остановилась и чмокнула его в щеку. Поблагодарила. По его взгляду поняла, что сделала это напрасно. Ну ничего, разберемся.

Про спектакль говорить не буду. Кто-то не любит оперу, кто-то к ней равнодушен, а я обожаю. Люблю хорошие голоса, радуюсь красивому пению. Листвянский знал, куда меня повести. И в театре мы говорили только о музыке.

Когда все закончилось, оказалось, что на улице начал накрапывать дождик. Я, честно, была к этому не готова. Ни зонта, ни плащика... Мой кавалер позвонил, и через пару минут подъехала машина. Мы сели.

Я еще ни разу не ездила с Григорием Константиновичем на заднем сиденье. Избегала этого всячески. Обычно либо он за рулем, либо меня везет шофер, и больше в машине никого нет. Но сегодня видно уж день такой.

До моего дома мы ехали недолго, но он за это время измусолил и мою руку, и мою коленку... Даже пару раз поцеловал в шею... Я упорно делала вид, что ничего не происходит, ровным голосом продолжала восхищаться музыкой Верди, и командовала водителем. У нашего подъезда мне с трудом удалось вылезти: герой явно жаждал награды за свой подвиг. По-моему, он рассчитывал уговорить меня поехать к нему.

Я все же выбралась, Григорий Константинович за мной. Слава Богу, дождя здесь не

было. Еще минут десять мы прощались. Мимо проплыла высокая красивая девушка, вошла в подъезд, оглянулась и высоко подняла брови. Моя дочь! Ей хватило ума не заорать: «Привет, маменция!».

* * *

Я быстренько завершила прощание и побежала вверх по лестнице. Катька еще не вошла в квартиру, а стояла перед дверью, разыскивая ключи в рюкзаке. Я хлопнула ее по спине и вынула ключи из собственной сумочки.

Сережки, естественно, не было дома. Но грязная посуда на кухне ясно свидетельствовала: заходил.

Дочь моя решила воспользоваться моментом: при брате она никогда не стала бы говорить со мной о личном.

— Маменц, что за кадр?

— Ты про него слышала уже сто раз. Это и есть Григорий Константинович Листвянский.

— Ничего себе, выглядит вполне-вполне... И тачка крутая...

Я скроила рожу.

— Но для тебя староват. Он тебе не нравится, да?

— Абсолютно...

— Жалко. Богатый муж тебе не помешал бы.

— Ты знаешь, он меня замуж не приглашал...

— Пригласил бы, если бы ты не выпендривалась.

— А зачем, дочь моя? Мы, слава Богу, не последнее доедаем, чтобы я стала на старости лет собой торговать.

— Ну ладно, мамусик, замнем,...Я знаю, ты у нас гордая и прекрасная..., — Катька обняла меня, потерлась носом. Она знает, как меня раздражают подобные разговоры. Но все равно хочется пристроить любимую мамочку.

Катька очень красивая. По сути, гораздо красивее Ларисы Юрьевны. Породистее. В той, несмотря на все усилия визажиста, есть что-то простецкое. Как в той же Клаудии Шиффер. Если продолжить сравнение, Лариса похожа на всех манекенщиц вместе взятых, а Катерина очень индивидуальна, как шедевр великого мастера. Это не всегда заметно: моя дочь всему на свете предпочитает джинсы и майки, почти не красится и волосы забирает в хвост. Но даже и так она производит впечатление. А если Катюшку соответственно одеть, причесать, накрасить, то Ларисе останется только локти кусать.

Кроме красоты там есть мозги и характер. Мозги, как я надеюсь, в маму. А вот характер у нее свой собственный, со значительной долей стервозности. У меня самой этого нет совсем. А жаль. Как она сама любит говорить, в наше время стерва — это комплимент. Наличие острого ума делает эту адскую смесь неотразимой.

Мальчишки вокруг вьются, как комары. Она регулярно ходит на свидания то с одним, то с другим. Но пока серьезного нет. Есть два постоянных, оба с именем Антон. Очень удобно. Один из банка, где она в декабре проходила практику, другой приклеился к ней на концерте два года назад. И есть еще друг детства Митя, влюбленный в нее, не соврать бы, лет десять... Все они нужны ей как антураж. Пока.

— Вот именно, замнем. Ты лучше про себя расскажи. С кем гуляла?

— С Митей была свиданка. Посидели в кафе, потом пошли в клуб, потанцевали.

— Ну и что?

— Мамуль, на личном фронте, как на западном — без перемен.

Это чтобы я отвязалась. Все в порядке. Если что-то ее огорчает, сама придет, когда я уже лежу, сядет на край кровати, и будет выливать на меня свои переживания. Но пока они в основном касаются конфликтов с девчонками в институте.

Тут пришел Сережка. И с порога:

— Мам, ты меня подстрижешь?

— Ты соображаешь, который сейчас час? Скоро полночь! Только стричь тебя мне среди ночи не хватало!

— Ладно, но завтра постриги...

Я у него главный парикмахер. Когда-то при советской власти я научилась делать все: шить, готовить, чинить электропроводку, клеить обои и стричь. Потому что тогда была проблема найти кого-то, кто тебе это сделает даже за деньги. Сережку я стригу с детства, и ему даже в голову не приходит, что можно пойти в парикмахерскую. И вечно у него разные требования: то постриги его под Роберто Баджо, то под Дэвида Бекхема... А я все грожусь постричь его под Зинедина Зидана.

— Постригу, что с тобой сделаешь. А сейчас я спать иду! И тебе советую.

Я ушла в свою комнату, а дети еще какое-то время гремели на кухне чайником. Катерина тихим голосом что-то втирала брату. А он даже не пытался с ней ругаться по своему обыкновению. Интересно, о чем они говорят?

Ладно, пусть говорят. А мне надо попробовать обработать информацию, полученную от Листвянского. Виктор Егоров. Надо же!

Банкир такого масштаба... Как там его финансовая группа называется? СТМ-груп? Про АЛЬФУ в газетах пишут регулярно, а его группа только время от времени отчеты публикует. Надо бы в Интернете пошарить. Отчеты эти, в газете, где-то у меня были подшиты. Помоему, в папке «Анализ финансового рынка». Работают без скандалов, чистенько. Надо про него поподробнее разузнать.

Или фиг с ним, Виктором Егоровым? Наша Лариса, вроде, бывшая... Уже год, как Егоров с ней расстался. Нет, судя по тому, что мне его фамилию сообщили как величайшую тайну, тут что-то есть. Листвянский зря трястись не станет. Назвать это священное имечко он решился только там, где никто не подслушает. А мало ли на свете Викторов Егоровых? Фамилия самая заурядная. Вот у нас в доме есть семейка с такой фамилией. И папа там как раз Виктор. Ну и что? Обычные алкоголики...

Значит, Егоров.

Внешне я себе его неплохо представляю. Интересный из себя мужик в районе полтинника. Не красавец, но видный. Видела его пару раз в телевизоре. То он кому-то премию вручает, то на каком-то сборище председательствует... Такая крупная рыба, что на вопрос о своем капитале ответит что-нибудь про погоду. Как там по классификации О.Генри? Набоб?

В общем, отложим до понедельника. Чует мое сердце, прав Григорий, от этого заказа лучше отказаться. Хрен с ней, с Ларисой Юрьевной. Не те это деньги, чтобы с Егоровым ссориться. Да мы для него не просто мелочь, как Листвянский, а совсем уж инфузория. Махнет рукой, нас и не станет. В понедельник попробую убедить в этом шефа.

Выходные я провела традиционно. В субботу до обеда — хозяйство, в субботу после обеда — встреча с любовником. Любовник этот держится у меня уже год. Зовут его Женя, он сервисный инженер из фирмы Самсунг. Высокий, симпатичный, славный... Немножко нудный. Никакой. Он меня не раздражает, когда мы вместе, я о нем не вспоминаю, когда его нет. Основное его достоинство — отдельная однокомнатная квартира в пяти минутах езды от моего дома. Встречаемся мы раз в неделю по субботам. Я приезжаю часам к четырем, он радуется. В зависимости от погоды мы либо сначала гуляем, либо сразу падаем в койку.

С ним приятно.

Потом он кормит меня очень вкусным салатом и горячими бутербродами. Затем, по настроению, мы опять падаем в койку или смотрим видик, а после этого я уезжаю домой. Все.

Иногда мы встречаемся и на неделе. Программа та же, только сокращенная. Повторная койка отменяется, я сразу еду домой после салата.

Я отдаю себе отчет, что отношения у нас очень странные. Как будто мы поменялись ролями. Но меня это устраивает. Для одинокой замороженной работой женщины это хороший вариант. Одного боюсь — что он начнет предлагать жить вместе, или, того хуже, пожениться. А ведь к тому идет.

Воскресенье у меня — день, который я провожу с семьей. Утром общаюсь с детьми, пока они не убежали. Потом еду к родителям, везу им полную машину продуктов. И сижу часа четыре, выслушивая критику моего образа жизни, а также методов воспитания подрастающего поколения. Возвращаюсь домой около шести.

Вечер воскресенья принадлежит мне! Я нежусь час в теплой ванне, делаю себе всякие косметические процедуры, занимаюсь маникюром и педикюром. Все сама: до салона за свою жизнь я дошла раза три. Это не жадность, просто лень. Потом ложусь на диван, беру книжечку и расслабляюсь. Супер! Если этот ритуал не соблюден, наутро я себя чувствую несчастной, и вся последующая неделя идет наперекосяк.

В этот раз я отлично отдохнула и привела себя в порядок. Просто на редкость. Тешило сознание того, что, несмотря на возраст и лишний вес, я нравлюсь. Женя, кажется, готов предложить руку и сердце. И записной ловелас Григорий Константинович жаждет, правда, не какого-то там ливера, а просто тела. Хотя ему-то есть из чего выбрать. Мне это все не нужно, но приятно. Греет сознание того, что еще не вышла в тираж.

* * *

В понедельник я пришла на работу раньше всех. Ничего необычного в этом нет, я предпочитаю начинать пораньше, чтобы не сидеть допоздна.

Залезла в Интернет, посмотрела сайт фирмы «Флора де Люкс». Качественно, красиво, дорого. Торговые точки в самых престижных дачных поселках. В Москве только центральный офис. Цены на все запредельные. Я регулярно что-нибудь сажаю на даче и знаю примерно, что сколько стоит. Так в этой «Флоре» все дороже не на проценты, а в разы!

Ну, в той же Жуковке господа считают ниже своего достоинства купить что-то по нормальной цене.

А в целом компания как компания, работа предстоит не сложнее, чем обычно.

Потом набрала в поисковике «Виктор Егоров». Черт, даже не представляла, что так много Викторов Егоровых болтается в Мировой Паутине!

Нужный нашелся на нескольких специальных сайтах. Председатель Совета Директоров... Член Попечительского Совета....Это я и так знала, не первый год на финансовом рынке болтаюсь. Еще выяснила, что он Виктор Андреевич. И то хлеб. М-да, информации кот наплакал. Мой диагноз подтверждается — набоб! А с набобами шутки плохи: голову долой, и никаких разговоров.

В общем, если можем отказаться — отказываемся. Если не можем — работаем, но глубоко не копаем и лишний раз не светимся. Уже пришел Сергей Иванович, есть с кем кофейку попить.

Тот парень, под которого Андрей когда-то создавал фирму, нас покинул, не проработав и года, но никто не расстроился. У нас работают бухгалтеры и финансовые аналитики потрясающей квалификации. Все они заканчивали наш институт, так что качество мозгов проверенное. Потом все они по тем или иным причинам сменили профессию на хлебное бухгалтерское дело. И все, кроме меня, имеют аудиторские права.

О Сергее Ивановиче я вообще молчу, без него мы не просуществовали бы и дня. Володя и Валера аудиторы экстра-класса. Есть еще у нас Игорь Анатольевич — потрясающий программист и компьютерный гений. В основном он занимается информационной безопасностью, и в этом качестве нарасхват. Он умеет найти баланс между безопасным использованием программ и Интернета и разумными рабочими потребностями наших клиентов. А еще он — моя личная правая рука, и, как шутят сослуживцы, левая нога. Все мои математические идеи он воплощает в работающие «программулины», а также следит, чтобы у нас все компьютерное оборудование работало, как часы. С ним у меня полное взаимопонимание. Как, впрочем, и со всеми остальными.

Взяли Игоря как системного администратора, но сейчас его функции много шире. Поначалу шеф сердился, что Игорь по полдня сидит в Интернете или читает книжки. Как, ему деньги платят, а он ничего не делает?! Пришлось объяснять, что деньги ему идут именно за то чтобы ничего не делать. Если у Игоря нет работы — значит, все работает! А потом он вдруг взял и предложил новые схемы информационной безопасности. И тут же его услуги стали нарасхват.

Когда я прихожу и говорю, что хотела бы посчитать то или это, объясняю задачу — очень скоро получаю удобную форму для заполнения, которая сама все считает, строит графики и т. д. А если задачка уж слишком непростая, мы можем сидеть вместе часами, но результат бывает просто великолепный. Сейчас ему в помощь взяли двух гавриков, но они — надомники на подряде, и я их не вижу.

Еще у нас есть секретарша Ирочка, милое, приветливое, исполнительное и бестолковое существо. Она отвечает на звонки, посылает факсы, подает кофе во время переговоров и заказывает канцтовары в конце месяца. Входящие-исходящие у нас регистрируются автоматически, так что этой головной боли у нее нет. С шефом она не спит, что, откровенно говоря, радует. Тот ее в упор не видит: принеси, подай, пошла вон. На меня она чуть не молится: я с ней ласкова, и, когда шеф орет, защищаю.

Стоит упомянуть и о внештатных сотрудниках. Их у нас около десяти, в основном бухгалтеры. Я их знаю преимущественно в лицо. Все они работают под управлением Сергея Ивановича. Вообще-то постоянный доход приносят именно они. У нас есть семь-десять фирм на бухгалтерском обслуживании, и это тот кусочек хлебushка, который есть всегда.

Время от времени кому-то нужно восстановить бухучет — это тоже делает ведомство Сергея Ивановича. Это называется «дела».

А вот если приходят с нестандартной проблемой — тогда возникает «проект». И это уже моя епархия: самый большой геморрой, но и самые большие деньги. И именно такие проекты создали нашей небольшой фирме устойчивую репутацию.

На мне общая стратегия и тактика каждого проекта. Какая нужна информация, как ее обрабатывать и что потом сказать клиенту, решаю я. Вместе с шефом. У него стратегическое мышление посильнее моего, но он у нас шоумен и презентатор, систематическая работа выводит его из себя. Так что с ним я провожу первую встречу с клиентом, а потом обсуждаю результаты работы. И мы вместе идем все это представлять заказчику.

Все у нас приходит на работу не раньше десяти. Шеф, тот вообще появляется к полудню. А я люблю работать с утра, пока никто не мешает. Прихожу в девять, а то и полдевятого. И к тому времени, когда приходит Сергей Иванович, я уже успеваю много намолотить. Он приходит — и наступает время попить кофе.

Так что я вылезла из своего закутка и включила кофеварку. Сергей Иванович тут же появился из своего, ритуал утреннего кофе доставляет ему массу удовольствия. Спросил:

— Ну как встреча в четверг? У нас новый клиент?

— Ой, не знаю, мой дорогой, но надеюсь, что нет...

— А что такое?

— Клиент уж больно проблемный, может не заплатить, — не стоит посвящать Сергея во все подробности раньше времени, но легенда для коллектива необходима, — Красивая баба, привыкшая, что для нее мужики все делают даром...

— Настолько красива? — Сергей Иванович заинтересовался.

— Более чем... Топ-модели отдыхают.

— А, суповой набор... — в его голосе звучало разочарование. Он у нас человек старой формации, ему нравятся полные женщины. Я с моим сорок восьмым для него слишком худая.

Тут пришли Валера с Вовой, на ходу включились в чаепитие, и разговор плавно ушел в сторону футбола и сравнительных характеристик автомобилей. Возник вечный спор о том, какая коробка передач лучше, и я сочла за благо вернуться на рабочее место. С четверга дел накопилось невпроворот и я занялась текучкой.

Полдвенадцатого пришел шеф.

И заперся.

Часа через полтора я собралась пообедать, тут-то Ирочка и пригласила меня к шефу. Как всегда, дела появляются именно тогда, когда садишься за обеденный стол. Ясно, разговор не предвещает ничего хорошего. Иначе он бы сам меня позвал, не поленился бы позвонить по внутреннему телефону. А так Ирочку напрягает.

Я попросила нашу секретаршу принести мне чаю и прошла в кабинет.

Шеф сидел с несчастным выражением лица, что за ним никогда не водилось. Я даже не успела спросить, что стряслось, как он вылил на меня такой монолог... Шекспир бы обзавидовался.

Среди эмоциональных возгласов пробивались ростки информации. По всему выходило, что он встречался с Ларисой в выходные, что-то было, и теперь он не может не взять ее заказ даже в убыток компании... И при этом ясно понимает, с кем связался. А еще дополнительно в ужасе от того что может узнать жена. Кстати у шефа очень милая и вменяемая жена, у нас с ней вполне приятельские отношения. Время от времени мы с ней приглашаем друг друга в

гости, перезваниваемся, болтаем о своем, о женском. Шеф очень дорожит своей семьей, несмотря на многочисленные походы налево. Поэтому и не спит с секретаршей, предпочитая одноразовых дам, отловленных на светских мероприятиях.

С самого начала я ему членораздельно сказала, что если шеф не будет вести себя как идиот, то никто ничего не узнает: я лично Наташе докладывать не стану, а больше некому. Он не то чтобы успокоился, но затих. После чего я объяснила, почему мы должны были отказаться от этого клиента, и какой тактики следует придерживаться теперь, когда отбояриться нельзя.

Сиди тихо и, возможно, пронесет.

Потом сообщила, что переговоры по деньгам мне придется взять на себя: я не могу позволить компании работать ниже себестоимости. Шеф смотрел на меня как на святую икону.

И на прощание я задала вопрос, полный яда: хоть удовольствие того стоило?

Мой шеф никогда не ругается в моем присутствии, но тут его прорвало. Он выдал матерную тираду, воспроизвести которую я не в состоянии. Смысл ее заключался в следующем: да лучше бы я себе член бантиком завязал.

Этим он пролил бальзам на мою душу. Теперь можно не ожидать от него подставы, мы снова по одну сторону баррикад. Я послала ему воздушный поцелуй и пошла на свое место. Надо выработать тактику, а это нам раз плюнуть.

Первое, нельзя допускать прямых контактов Ларисы с шефом. Пусть отключит мобильник. У него их два — для личных дел и для работы. Вот пусть и отключит тот, который дал Ларисе.

Потом проинструктируем Ирочку. «Флору де Люкс» или Ларису Корн соединять только со мной. Андрея Викторовича нет на месте — срочная командировка в Питер... Лучше бы ему на самом деле уехать в Питер. Только зачем? Наклевывался в марте у нас один питерский клиент. Надо его реанимировать.

Я ввинтилась в кабинет шефа и изложила все подробности своего плана. Получила добро по всем пунктам, проинструктировала Ирочку и села на телефон.

Остаток дня я провела, мурлыкая по телефону с владельцем сети кафешек из города на Неве. Созванивались мы с ним аж четыре раза. Мое воркование дало результаты: на четвертый он попросил соединить его с шефом и договорился о встрече в среду. Ура!!!

А Лариса Юрьевна в этот день так и не позвонила. Не позвонила и во вторник.

* * *

Позвонила она именно в среду, как раз тогда, когда шеф уже вел свои переговоры далеко от Москвы. Я выразила сожаление в связи с отсутствием шефа и предложила его заменить. Ха-ха-ха!!!

Красотка этого явно не ожидала. Но, видно, дело ее не терпело отлагательств, и она пригласила меня к себе для обсуждения проекта. Правда не сразу, а только узнав, что нашего красавца не будет до конца следующей недели. Крупный заказ, что вы хотите!

Я подготовила коммерческое предложение с хорошей, на мой взгляд, ценой. Можно будет уступить процентов семь-десять, пусть порадует. Мы все равно в накладе не останемся. Лучше всего будет, если, глянув на цену, она откажется.

Наутро я не поспешила на работу, а двинулась в парикмахерскую. У Лиды глаза вылезли на лоб: то я у нее не появляюсь месяцами, то зачастила каждую неделю. Она меня уложила, после чего, вернувшись домой, я накрасилась уже самостоятельно и надела самый свой любимый костюм: голубой парижский. Вид стильный и элегантный, с такой дамой нельзя говорить неуважительно.

К одиннадцати часам я подъехала в офис «Флоры» на Ленинском проспекте. Хорошенькая, но довольно колхозного вида секретарша провела меня в кабинет хозяйки, где уже ждали двое: за спиной Ларисы Юрьевны возвышался амбал. Он чем-то неувовимо походил на гориллу, несмотря на галстук от Армани, костюм от Ermenegildo Zegna и умопомрачительные ботинки. Если бы не одежда, я приняла бы его за охранника, но тут решила к нему приглядеться. Сходство с гориллой не ограничивалось низким лбом и выступающими надбровными дугами. Под этими дугами черные глаза смотрели умно и недоверчиво, точь-в-точь как у гориллы из документального фильма, который я недавно смотрела по каналу «Культура». При этом зоолог распиался про ум этих замечательных животных. Вот и этот такой же. Опасный тип. Надо держать ухо в остро.

— Познакомьтесь, мой коммерческий директор Анатолий Петрович Овсянников, — он мрачно кивнул, разглядывая меня, как букашку под микроскопом.

— Надежда Николаевна Коноплянникова, — сказала я с улыбкой и протянула горилле свою визитку. Надо бы прибавить шуточку про то, что наши фамилии рифмуются, но под внимательным взглядом этого представителя отряда приматов я заробела.

— Анатолий Петрович Вам поможет, когда Вы станете собирать информацию.

— Отлично. Очень рада нашему грядущему сотрудничеству, — я улыбнулась еще шире и приветливей. И тут же обратилась к Ларисе, — но у нас с Вами пока нет договора, поэтому я не могу приступить к работе. Я подготовила для Вас образец нашего типового договора и коммерческое предложение, посмотрите, пожалуйста, — и вытащила из портфеля папочку с документами.

Спасибо, договор я посмотрю и передам для изучения нашему юристу.

Передавай, милая, у нас договор составлен качественно, а по цене мы с тобой еще потягаемся. Лариса Юрьевна начала изучать коммерческое предложение и наткнулась на раздел о цене.

Надежда... Николаевна, когда я говорила с Андреем Викторовичем, он мне положительно обещал, что цена будет, ну, скажем, разумной.

Лариса Юрьевна, я получила от него такое указание, и сделала что могла. За наши услуги цена минимальная. Практически на уровне себестоимости, — она явно ожидала символической цифры, но мы даром не работаем.

Я ознакомилась с сайтом Вашей фирмы, там есть перечень услуг, прайс-лист, список торговых точек: работа предстоит большая. А наши специалисты недешевые. Вы же не ходите стричься в первую попавшуюся парикмахерскую за триста рублей? (Ты стрижеешься у Жака Дессанжа за пару тысяч баксов, по прическе видно). А ведь здесь, согласитесь, квалификация более значима. По сравнению с тем, что Вы теряете от неправильной постановки работы, сумма мне представляется несущественной.

Эк я ее, а?

— Ну хорошо, — промямлила госпожа Корн, — цена меня устраивает. Когда мы согласуем договор, можете выставять первый счет.

Будет тянуть время, надеясь что-то выторговать у шефа. Плавали, знаем. Ничего у тебя не

получится, милая девушка. С ценой ты согласилась, а первое слово дороже второго.

— А теперь я хочу спросить, какие данные Вам понадобятся для работы?

При этом вопросе своей хозяйки горилла страшно оживилась. Нет, Анатолий Петрович не начал бегать, жестикулировать и размахивать руками. Но все время, пока мы торговались, он смотрел спокойно, а тут подался вперед и глаза его загорелись.

— Мне понадобится вся внутренняя бухгалтерия, договора, отчеты торговых точек, кадровая информация. Да Вы не беспокойтесь. Для начала я пришлю к Вам Валерия Васильевича, пусть Ваш финансовый директор или главный бухгалтер покажет ему бухгалтерию. А я посетю Ваши филиалы, посмотрю, как они работают: сейчас же как раз сезон?

— Да, совершенно верно, сейчас сезон, — согласилась прекрасная Лариса.

— Потом мне понадобятся их отчеты по продажам и издержкам. И отчет Вашей службы заказов.

— Но это же коммерческая тайна! — встрял Анатолий, — я повернулась к нему:

— Совершенно верно, Анатолий Петрович. Вся эта информация составляет коммерческую тайну. Поэтому я не начну работать до подписания договора. Если Вы откроете текст, то там, если не ошибаюсь, седьмым пунктом идет «Коммерческая тайна и конфиденциальная информация», — тут я развернулась к Ларисе, не упуская ее коммерческого директора из поля зрения, — С момента подписания договора наша фирма обязуется охранять Вашу коммерческую тайну как свою собственную. У нас те компьютеры, на которых мы будем обрабатывать Ваши данные, даже не имеют выхода в Интернет.

Я обратила внимание, что от произнесения мною вполне обычных слов Лариса Юрьевна явно получила ни с чем не сравнимое удовольствие, источник которого мне был пока неведом.

— Ну, а дальше? — вдруг спросил Анатолий.

— Дальше? Дальше мы все обсчитаем, я изучу полученные результаты и представлю Вам все как на ладони.

— И мы сумеем в этом разобраться? В Ваших расчетах? — примат спросил «мы», имея в виду «Лариса».

— У Вас есть право и возможность задавать любые вопросы. И пока они все не будут сняты, работа не считается завершенной.

Тут я поняла, что встреча закончилась. На лице коммерческого Кинг-Конга читалось облегчение. И Ларисина оживленность сменилась благодушной расслабленностью.

— Замечательно, — пропела она, — Значит, в основном мы с Вами договорились. А теперь Анатолий Петрович Вас проводит и знакомит с нашим главным бухгалтером, Владленом Михайловичем. С ним связывайтесь по поводу договора и оплаты. Он предоставит Вам и Вашему бухгалтеру все условия для работы.

Мы распрощались, и, ведомая Анатолием, я отправилась в бухгалтерию. Владлен Михайлович оказался довольно молодым человеком с неожиданно приятной, если не сказать красивой внешностью. С коммерческим директором он являл разительный контраст. Но глаза... Умные черные буравчики Анатолия ни в какое сравнение не шли с огромными, серо-голубыми, и абсолютно пустыми очами главбуха. Под их приветливым взглядом мне стало не по себе.

Меня представили, и он сказал мне комплимент, обнаруживший его прекрасное знание рынка консалтинговых услуг. Мы не прошли мимо него незамеченными. Не знаю, поможет

это в дальнейшем, или помешает, но стоит запомнить.

Когда я наконец вышла и села в машину, то вдруг почувствовала себя почти счастливой. Встреча прошла легко, особенно если сравнить с другими. Деньги я отбила. И вообще... Хорошо. Лето скоро. Погода моя любимая: сухо, не холодно и не жарко, +22. Сейчас время обеденное, пробок нет, ехать — одно удовольствие. И в салоне разливается Хулио Иглесиас, создавая романтическое настроение.

Позвонила на мобильный дочь:

— Мама, ты скоро доедешь до офиса? Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори сейчас.

— Нет, я сижу у тебя на работе и жду. Ты скоро?

— Скоро, скоро. Еще минут двадцать.

Все, настроение она мне испортила. Буду всю дорогу гадать, что стряслось. У нее сейчас сессия началась, может, экзамен завалила? Но вроде у нее еще не было экзаменов.

Ладно, что гадать. Приеду — узнаю. И я включила Иглесиаса погромче.

В офисе царило легкое замешательство. Впрочем, так бывает всегда, когда там появляется Катерина. Еще бы, пришла красивая девушка! Обычно Валера с Вовой наперебой стараются ей угодить, Сергей Иванович ее опекает, а она пристаёт к не склонному к сотрудничеству Игорю Анатольевичу, задавая компьютерные вопросы.

Сегодня Катька ни к кому не приставала, мирно сидела на моем рабочем месте и играла в сапера. А наши мальчики искали предлог перекинуться с ней парой слов.

Увидев меня, все разбежались по своим углам, оставив нас с дочерью с глазу на глаз.

— Ну, что стряслось-то?!

— Мама, — начала Катерина торжественно, — ты уже думала, куда поедешь в отпуск?

— Что?

— Ну, где ты собираешься в этом году отдыхать? И когда?

Если моя дочь задает такой вопрос, значит, у нее есть конкретное деловое предложение. О чем я не преминула ей сказать.

Она достала из своего бездонного рюкзака два красивых конверта с вензелями и прочими кренделями. Отсутствие марок и почтовых штампов говорили о том, что они пришли не по почте.

— Ты помнишь, мама, в прошлом году я отдыхала в молодежном лагере в Австрии?

Ну еще бы я не помнила! Уже полгода она зудит про этот лагерь чуть не ежедневно.

— Тебя что, снова туда приглашают? — странно, однако...

— Нет, дело не в этом. Помнишь, я тебе рассказывала, там за мной ухаживал мальчик... Э́рик. Он из Бельгии. Мы с ним переписывались...

— Помню. Эрик. И что дальше?

— Его папа прислал нам приглашение. Мне, тебе и Сережке.

— С какой стати?

— Мы тоже должны прислать приглашение. Одному Эрику. Он очень хочет увидеть Москву.

— От тебя можно с ума сойти. Ты не могла подождать до вечера? Надо было ко мне на работу припираться?!

— Мне нужно было получить твою справку о доходах для посольства. И сделать копию твоей трудовой...

— И?

— Сергей Иванович все уже сделал, ты не беспокойся...

Хорошенькое дело... От Сергея Ивановича справки просто так не добьешься, он всегда занят чем-нибудь другим, и, бывает, нужной бумажки по два дня приходится ждать... А тут все уже нарисовано! Без меня меня женили! Ну ладно, вечером поговорим...

— Так, если это все, то у меня много работы, давай до вечера.

— Хорошо, мамочка, до вечера так до вечера, — как-то подозрительно быстро согласилась моя дочь, — Только еще подпишись вот здесь, и вот здесь... Я уже все заполнила.

— Ничего не буду подписывать!!! Дома поговорим. А сейчас брысь отсюда!

Катка скроила обиженную мину и ушла.

Час от часу не легче. Не хватало мне только бельгийского Эрика и его родственников. Но сейчас не до этого. Надо о результатах встречи рассказать Сергею Ивановичу, и вместе с ним подготовить версию для шефа. Да, я же еще не обедала!

Я справилась у сотрудников — как раз Сергей Иванович тоже ходил голодный. Очень кстати! Я тут же сговорила его отказаться от обеда в нашей знаменитой столовой, а съездить в «Елки-Палки» по соседству. Там тихо и никто не помешает.

Нам удалось занять очень уютный столик у окна. Мы набрали закусок с телеги, уселись, и я все подробно пересказала. Постаралась припомнить каждую деталь встречи.

— А про нас ничего не говорили? — спросил Сергей Иванович.

— Даже слово такое не прозвучало.

— И тогда коммерческий директор успокоился? Ну, деточка моя, они выводят деньги через обналичку, это ясно. Если свою черную бухгалтерию они Вам не покажут... А это ясно, что не покажут... Ладно, и так обойдемся. Вам не кажется странным: у нас консалтинг сродни следовательской работе. Я был и в Англии, и в Америке — нигде такого нет. Внучка мне тут детективчик подсунула — ну куда этим, с позволения сказать, писателям, до нашей действительности! Выдумка у них убогая. Тут в жизни такие сюжеты: без стрельбы и поножовщины страсти играют.

— Это Вы к чему, Сергей Иванович?

— А к тому, что коммерческий директор в стоворе с главным бухгалтером воруют, а барышня плачет, ничего понять не может и нас с Вами нанимает.

Люблю Сергея Ивановича! Он всегда скажет просто и точно. Именно это и происходит. И все же, причем тут Виктор Егоров?

А вслух я принялась уточнять:

— А почему Вы думаете, что они воруют в паре?

— Это очевидно. Главбух может воровать самостоятельно, а для коммерческого директора это затруднительно. Он же не подписывает финансовые документы. Поведение этого Вашего Кинг-Конга свидетельствовало, что и он в игре. Что ему вообще было делать на этой встрече? Это не его компетенция.

— Логично.

— Судя по всему, он отговаривал госпожу Корн от работы с нами. И особо пугал ее утечкой информации. В таких фирмах много черного нала и она боится.

— Кого?

— Налоговой, прокуратуры и, судя по всему, этого красавца. Вы ее успокоили, когда рассказали про соглашение о конфиденциальности, и дали в руки оружие.

— А он? Почему он успокоился?

— Побеседовав, он решил не бороться с неизбежным. Думаю, он надеется обвести Вас вокруг пальца. Или, в крайнем случае, купить. Вы сделаете обычную работу и дадите обычные рекомендации: усилить, улучшить, повисить и т. д. Он Вас еще плохо знает.

Я усмехнулась. Все правильно, анализ ситуации как на ладони. Я и сама все именно так представляла. И Иваныч знал, что я знала. Сделаем, не в первый раз, у нас и покруче сюжеты заворачивались. Не будет же Анатолий ко мне убийц подсылать. Чай, не в триллере живем, вокруг простая коммерческая действительность.

Все же, почему Листвянский так отговаривал меня от этого заказа? Аж трясся, называя мне имя Егорова? Где этот придурок Овсянников, и где Егоров? Не стыкуется у меня что-то...

Ладно, делать все равно нечего, надо идти по проверенному пути под водительством мудрого Сергея Ивановича. Он у нас самый старый, старше меня на пятнадцать лет. Вообще-то в нашем возрасте это не критическая разница. Григорий Константинович его ровесник. Но на вид я могу сойти за его дочку, если не за внучку. Квалификация у Иваныча просто сверхъестественная, нюх, чутье — феноменальные. Он мог бы работать в самой крупной корпорации, и все были бы счастливы. Но характер у нашего Сергея Ивановича не сахар, если не сказать больше. Подчиненные не могли работать под его началом — он всех доставал своим перфекционизмом. А начальству никогда не стеснялся сказать прямо в лицо, что он о нем, начальстве, думает. Его отовсюду с почетом выживали, пока он не прибил к нашей фирме. Здесь ему подчинены те, кто не должен сидеть с ним в одном помещении. Это благо, он лишен возможности их терзать. На клиентов его тоже выпускать напрямую нельзя: всех разгонит, потому что ему надо любому объяснить, что он дурак. Счастливый и легкий характер нашего шефа выражается еще и в том, что он пропускает язвительные замечания и брюзжание Сергея Ивановича мимо ушей, всегда с ним соглашается. Иначе бы наш герой давно уволился.

Со мной Сергей Иванович напрямую по работе не связан, поэтому он назначил меня на место своей большой и безответной любви. Я совершенно беззастенчиво пользуюсь его хорошим отношением.

Специально для меня он играет роль штатного мудреца и доброго дядюшки по совместительству. Я с ним всегда советуюсь, обязательно обсуждаю все свои проекты, и чувствую, что он от этого просто расцветает. Его советы всегда полезны. На нем я оттачиваю свои выводы, формулировки, проверяю концепции и догадки. Вот как сегодня. В изложении моего наставника нарисовалась ясная картина, в которую я не знаю, куда всунуть великого и ужасного Виктора Егорова.

После обеда работать абсолютно не хотелось. Я ответила на все письма, переделала наше стандартное коммерческое предложение, а то оно мне уже поднадоело, проверила таблицу, которую мне сбросил Вова, напилась чаю и поехала домой ровно в шесть часов.

Очень удачно проскочила до пробок, не прошло и получаса, как я была дома.

Катерина еще не возвращалась, но Сережка уже пришел из колледжа и сидел за компьютером. К моему удивлению, на этот раз перед ним не расстилались картины неведомого мира. На экране висел простой документ Word: убористый плотный текст без абзацев. Значит, делает какую-то работу. Накачал из Интернета чьи-то рефераты, а теперь компилирует.

Когда Сережка сидит в своем Warcraft'е, он не реагирует на внешние раздражители. А сейчас он радостно все бросил, чтобы поговорить со мной.

— Маман, как ты рано! Слыхала Катькины новости?

— А ты уже в курсе?

— Ну, подробности мне неизвестны, вроде, мы все едем отдыхать за рубеж.

— Первый раз слышу, — покривила я душой.

— Я так ее понял. Правда, говорили мы по телефону... Может, я чего-то не разобрал...

У моих детей взаимопонимание очень плохое. В прямом смысле. Если один что-то говорит, то другой его не понимает. Хуже иностранцев, ей-богу! Особенно если учесть, что оба говорят на родном языке. Могут до хрипоты, до драки спорить, отстаивая одну и ту же точку зрения. У нас это семейное: так живут уже пятьдесят лет мои родители. Им нужен толмач, тогда все в порядке. Обычно им работаю я. Лет с четырнадцати, застав дома очередную ссору я спрашивала у матери: «Мама, ты хочешь сказать, что...?». Обязательно сначала у маменьки, иначе вместо примирения грозила эскалация конфликта. И перефразировала ее высказывание, чтобы оно стало общедоступным. Она подтверждала, а в этот момент папенька внимательно прислушивался и кричал:

Нет, это я хотел сказать что...!!!

Ну вот, — говорила я, — вы хотели сказать одно и то же. Тогда почему вы так орете и мешаете мне заниматься?

Всем становилось стыдно, и они тихо расходились. С детьми та же картина. Они все время ругаются. Никаких непримиримых противоречий, просто взаимонепонимание. А я, как всегда, занимаюсь челночной дипломатией. Все это очень мило звучит, но сил отнимает просто вагон и маленькую тачку.

Сережка уже привык к тому, что сестру надо переводить. Моя реакция на его сообщение прошла спокойно. Наверное, он опять что-то недопонял.

Таким образом мне удалось перевести его с дел сестры на собственные. Оказывается, ему не ставят какой-то зачет без реферата. Знал он об этом уже давно, но не ударил палец о палец. И теперь лихорадочно компилировал то, что удалось найти в авральном порядке. Я не стала зудеть — потом, когда сделает. Просто загнала его обратно за компьютер, обещав, что к Катиным новостям мы вернемся вместе с Катей.

[Купить полную версию книги](#)